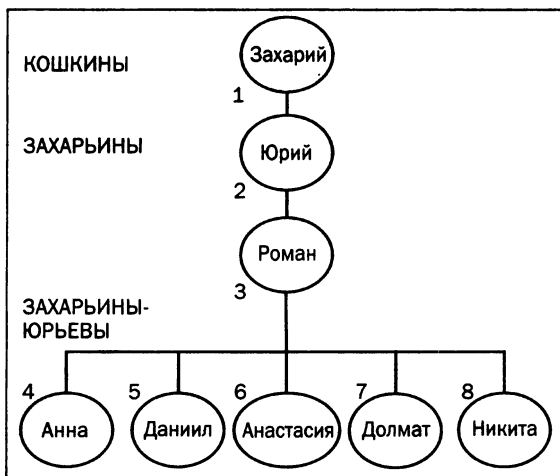

Первая жена царя, дети, дела семейные. Влияние семейных трагедий

Первая жена царя Анастасия Захарына была молода и красива собой. В патриархальной Московии главными достоинствами невесты считались знатность и скромность, рангом ниже стояли необходимая дородность, плодовитость и внешние признаки хорошего здоровья, то есть румянность и крепкое телосложение. Однако главным показателем пригодности девушки к браку с государем оставалось происхождение невесты. Грамотность же, в отличие от здравого ума и сдержанности, не особенно ценилась. Затворническая, почти монастырская жизнь незамужней девушки в тереме воспитывала супругу исключительно покорную и немногословную (при муже). Молодой эмоциональный Иван нуждался именно в такой жене. Его самостоятельный выбор пал на Анастасию, и возражений он не слушал.

Она, конечно, согласилась на его предложение, поскольку Иван IV представлял собою лучшую партию для любой русской девушки, несмотря на слухи о его тяжелом характере. Родичи невестки из второразрядных, но довольно знатных московских бояр радовались: перед ними открывались блестящие перспективы. Анастасия стала для Захарьиных (и их потомков — Романовых) пропуском в высшие круги власти. Без этого брака потомки выходца из Пруссии Андрея Кобылы никогда не встали бы близко к трону, несмотря на то что их род служил князьям московским уже более 200 лет.

Анастасия восхваляется во многих источниках, в частности в сочинениях эпохи правления династии Романовых. Н.М. Карамзин не жалеет превосходных степеней, особенно подчеркивая скромность первой царицы и ее истинно христианское смирение. Действительно ли Анастасия была настолько смиренна или дело в том, что ее с первых же дней подчинил себе муж, не имеет особого значения. Главное, они

Генеалогия Захарьиных-Юрьевых: 1 — Захарий Иванович Кошкин (ум. 1461); 2 — Юрий Захарьевич Кошкин (Захарьин) (ум. ок. 1503); 3 — Роман (ум. 1543); 4 — Анна (ум. после 1573); 5 — Даниил (ум. 1564); 6 — Анастасия Романовна (ок. 1530—1560), царица в 1547—1560 гг.; 7 — Долмат (ум. 1545); 8 — Никита (ум. 1586)

достаточно быстро нашли общий язык, брак оказал на мятущуюся душу Ивана именно тот эффект, на который все надеялись. Царь успокоился и прекратил неожиданные расправы над государственными деятелями.

Родственники молодой царицы много сделали для того, чтобы снискать расположение царя и стать его ближайшими слугами. Безупречная репутация и непричастность к безобразным поступкам эпохи боярского всевластия делали их оптимальной заменой узурпаторам Глинским.

После расправы над Глинскими и удаления их с политического Олимпа Захарьины быстро набирали влияние, став конкурентами друзьям Ивана из Избранной рады. Царица умело проталкивала родственников вперед, лавируя между их чересчур наглыми требованиями и подозрительностью супруга. К началу 1550-х годов Захарьины уже лидировали в Боярской думе и серьезно притесняли более знатные боярские роды. Казалось, формируется новая группировка временщиков. Аскетичные Адашев и Сильвестр сильно невзлюбили царских родичей, но те все прочнее укрепляли свои позиции.

В 1552 г. Анастасия наконец забеременела. Отправляясь в поход на Казань, царь с трудом оторвался от обожаемой супруги и стремился скорее вернуться домой. Кампания 1552 г. для правителя Московии закончилась уже в середине октября, несмотря на то что покорение Казани еще не было завершено. Своего первенца покоритель татар назвал Дмитрием. Иван был счастлив. С первыми морозами Дмитрия торжественно окрестили.

Для круглого сироты Ивана тот факт, что его тесть давно уже скончался, оказался очень важным. Он еще более любил супругу за то, что им обоим в детстве пришлось познать горечь утраты родителей. При дворе сформировался новый мощный клан, который очень непросто было лишить места у кормила власти, в будущем — основоположники новой царской династии Романовых.

Однако в марте 1553 г. Иван IV тяжело заболел, бился в лихорадке, иностранные медики оказались беспомощны, и бояре стали готовиться к похоронам государя. Московский порядок престолонаследия двух вариантов не предполагал. Новым царем или великим князем в этих условиях становился младенец Дмитрий, который повторял таким образом

судьбу самого Ивана IV, но в еще более раннем возрасте. Ничего хорошего Московии от очередного малолетнего государя ждать не приходилось.

Члены Избранной рады и бояре прекрасно помнили недавнюю историю. При всей своей скромности именно царица Анастасия (как в свое время Елена Глинская, до сих пор вызывавшая у бояр ненависть) должна была стать правительницей Московии. На то, что русский царь выберет своим преемником кого-то из бояр, надеяться не приходилось. С приходом Анастасии к власти группировка Захарьиных стала бы неуязвимой. Многим мерещился призрак новых Глинских, а то и Шуйских. У смертного одра московского властителя разгорелась ожесточенная тайная борьба. Ненавидевшие выскочек Захарьиных знатные бояре принялись искать другого кандидата на трон и союзников в этом своем предприятии. Расписывая опасность возникновения новой порочной боярской верхушки, заговорщики убедили примкнуть к ним молодых реформаторов, которые от родственников супруги царя не ждали ничего хорошего. Приход к власти Захарьиных означал бы конец реформ и потерю контроля над делами государственного управления.

Адашев и его соратники нуждались в новом, молодом и достаточно зависимом от них государе, разделявшем те же идеи, что и Иван IV. Таким кандидатом стал двоюродный брат царя Владимир Андреевич Старицкий, молодой, сильно пострадавший в детстве и от регентши Глинской, и от Шуйских.

Церковь Иоанна Богослова в Москве (XV в.)

Владимир вскоре приобрел поддержку большинства вельмож, став реальным претендентом на трон. Избранная рада и большинство членов Боярской думы образовали прочную коалицию и открыто заговорили о том, что «пеленочнику» присягать не будут. Вечером 11 марта ближние бояре из стана Захарьиных поцеловали крест государю Дмитрию. Далее произошли не очень ясные из-за скудости информации события.

12 марта Владимир Старицкий и его мать, вдова замученного Андрея Старицкого, отказались присягать младенцу, надеясь на давно созываемые в столицу войска. Многие бояре последовали их примеру. Сторонники Дмитрия (возможно, с помощью тяжело больного Ивана) принялись им угрожать, однако Старицкие отговорились, что не желают присягать Даниле Захарьину, подозревая угрозу нового боярского самоуправства. Образовалась новая партия, которая соглашалась признать Дмитрия государем, если Захарьины не будут допущены к власти. Многие примкнули к ее вождю, Алексею Адашеву, начиная подозревать, что переворот в пользу боковой линии царского дома не удался и надо как-то объяснить свои колебания. Звучали сетования на то, что «худородные» собираются управлять знатными государевыми слугами.

Шла опасная игра, участники которой перекупали друг у друга сторонников и блефовали. Некоторые бояре предпочли быть подальше от дворца, где могла разгореться братоубийственная война. Владыка Макарий молчал. Сильвестр не показывал явно своей принадлежности к сторонникам Старицкого. К вечеру князя Владимира заставили присягнуть законному наследнику, после нескольких попыток к тому же принудили и его мать. Партия Дмитрия одержала победу, однако борьба не окончилась. Старицкий ждал кончины Ивана IV, чтобы совершить государственный переворот и устранить хотя бы Анастасию с ее родственниками, после чего 15 лет правления ему были бы обеспечены. Он готовил вооруженный захват власти при номинальном

Богоматерь
Белозерская
(икона, XIII в.)

государе Дмитриии. Умиравший Иван всего этого знать не мог и впоследствии довольствовался домыслами, подозрениями и доносами.

Неожиданно для всех в состоянии здоровья Ивана IV произошли резкие изменения. Уже приговоренный медиками к смерти, он выздоровел. Излечившийся царь снял все вопросы о престолонаследии и отправился в Кирилло-Белозерский монастырь, где состоялась его беседа с Вассианом Топорковым. Взгляды последнего, в частности призывы к абсолютной власти монарха, пришлись Ивану как нельзя кстати после очередного проявления боярского своеволия.

Дмитрий весной того же 1553 г. погиб по вине кормилицы, уронившей его в воду. Жизнь Ивана омрачила очередная трагедия, хотя в те времена случаи смерти маленьких детей были весьма распространены.

Возникшую при дворе напряженность снял Сильвестр, сумевший сохранить свое влияние на царя и хорошие отношения с обеими партиями. Он занялся погашением конфликта и примирением сторон, опасаясь вспышки царского гнева и неизбежных вслед за этим казней. Через год, после неудачной попытки одного из бояр из партии Старицких бежать в Литву, царь узнал о подробностях планов князя Владимира Андреевича Старицкого. Однако по ходатайству Сильвестра царь вскоре помиловал его.

Возвышение Адашева и Сильвестра продолжилось, царь считал нужным укрепить их позиции в противовес родовитому боярству, выступившему против «худородных» Захарьиных. Сильвестр стал самым нужным человеком и для царя, и для Старицкого, и для бояр. Сторонники Адашева получили в ходе земельных реформ 1555–1556 гг. сотни тысяч четвертей земли. Бюрократия достигла исключительно сильного положения в Московии. Конфликты между ее членами, например Сильвестром и Висковатым, не мешали Избранной раде единогласно принимать решения по самым важным вопросам.

Иван удержался от жестких мер, он все еще нуждался в советниках и не решался применять ту власть, которую якобы для него (на деле же — для себя) укрепляли Адашев и его друзья. Подозрительность царя росла, но еще не приняла маниакального характера. Семейная жизнь, несмотря на произо-

шедшие несчастья, приносила удовлетворение, вскоре, весной 1554 г., у царя родился еще один сын, которого называли Иваном. Младенец оказался крепким, здоровым и, как впоследствии выяснилось, в полной мере унаследовал многие черты характера отца.

Положение Захарьиных снова укрепилось. Через Анастасию они вновь повели наступление на членов Избранной рады. В компрометирующих их сведениях недостатка не было, особенно после военно-земельных преобразований, сказочно обогативших самих творцов реформ. В мае 1557 г. у Анастасии и Ивана родился третий сын — Федор, который оказался от природы слаб умом и здоровьем, однако добр и смиренен.

К концу 1550-х гг. в самом деле (а не только в наветах Захарьиных) сложилась ситуация, когда Адашев и Сильвестр решали государственные дела помимо царя, фактически управляя Московией без него. Российский властитель стал терять терпение и уважение к друзьям, часто спорил с ними и ссорился. Все эти годы он продолжал свое образование и становился все более опытным, зрелым и мудрым политиком. Он решительно

настаивал на усилении своей власти, не позволяя бюрократии завершить преобразования только в ее пользу.

В 1553 г. при обстоятельствах, до конца неизвестных, в Москве была отпечатана первая русская книга — Евангелие, спустя некоторое время вышла в свет «Триодь полостная». Первопечатники издавали их за свой счет, на свой страх и риск, при благожелательном нейтралитете верховной власти. Вскоре правительство стало оказывать покровительство типографии, однако регулярная работа печатного станка началась спустя десять лет. Иван Федоров, ученик западных мастеров и первых славянских просветителей, исправляя непонятные места в Священном Писании, делал его доступным для русского читателя.

Мемориальная доска
на месте бывшего
Печатного двора
в Москве